

лібералізм торжествує. Гірко плаче Любов Андріївна (яка під час усіх дій не позначається, на відміну від Лопухіна, прізвищем), і тихо грає музика. Це “тихо” – останні такти перед тишею, що наступає повною безмовністю культури.

Остання дія – повторення всіх трьох тем, але у формі утопії. Їх утопічність підкреслюється двома фінальними акордами. Перший – це рецепт молодого лакея, як жити в нових обставинах – в цивілізації поза культурою: “Ведите себя прилично, тогда не будете плакать” [5, с. 655]. Найстрашніше, що цей лакейський імператив абсолютно вірний і дієвий в цивілізаційних обставинах, з яких витравлено залишки культури. Переконливість цієї сентенції додає та обставина, що молодий лакей каже її і одночасно п’є шампанське. Це дійсно комедія. Але по-чеховськи гірка комедія.

Другий фінальний акорд – порожня сцена, забутий усіма Фірс і знову “отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный” [5, с. 661]. Які б великі традиції не мала культура, але коли її замінюють цивілізацією, вона перетворюється на непотрібного більше нікому Фірса. Її роль тепер може належати молодим лакеям, які віртуозно виконують партії квазікультури.

А далі – особлива тепер тиша: “наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву” [5, с. 661]. У цивілізації стукіт серця нічого не означає, значить стукіт сокири ... Або звук пострілу ...

Список використаних джерел

1. Васильев Ю. А. Рассказы о русских народных инструментах [Текст] / Ю. А. Васильев, А. С. Широков. – 2-е изд. – М.: Советский композитор, 1986. – 88 с.
2. Гужва А. П. Симфония как встреча сознаний: монография / А. Г. Гужва. – Луганск: СПД Резников В.С., 2012. – 208 с.
3. Толстой А. К. Сочинения: в 2-х т. [Сост. И. Ямпольский]. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – 589 с.
4. Холопов Ю. И. Очерки современной гармонии / Ю. И. Холопов. – М.: Музыка, 1974. – 287 с. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/6108
5. Чехов А. П. Избранные сочинения: в 2-х т. [Сост. Г. Бердникова]. – М.: Худож. лит., 1979. – серия (Библиотека классики. Русская лит-ра). – Т. 2. – 701 с.

References

1. Vasil'ev Ju. A. Rasskazy o russkikh narodnyh instrumentah [Tekst] / Ju. A. Vasil'ev, A. S. Shirokov. – 2-e izd. – M.: Sovetskij kompozitor, 1986. – 88 s.
2. Guzhva A. P. Simfoniya kak vstrecha soznaniy: monografiya / A. G. Guzhva. – Lugansk: SPD Reznikov V.S., 2012. – 208 s.
3. Tolstoj A. K. Sochineniya v 2-h t. [Sost. I. Jampol'skij]. – M.: Hudozh. lit., 1981. – T. 1. – 589 s.
4. Holopov Ju. I. Oчерки sovremennoj garmonii / Ju. I. Holopov. – M.: Muzyka, 1974. – 287 s. – Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/6108
5. Chehov A. P. Izbrannye sochineniya v 2-h t. [Sost. G. Berdnikova]. – M.: Hudozh. lit., 1979. – seriya (Biblioteka klassiki. Russkaja lit-ra). – T. 2. – 701 s.

Isaev V. D., is a Doctor of Sciences /Philosophy/, the chief of the chair “Philosophy and Theology”, V. Dahl East-Ukrainian National University (Ukraine, Lugansk), vd.isaev@gmail.com

Skopina S. A., is a lecturer of the chair “Applied philosophy and theology”, V. Dahl East-Ukrainian National University (Ukraine, Lugansk), kshemat@mail.ru

Sound row of “Cherry garden”

Every civilization has its codes and modern civilization surviving deep socio-cultural changes is not an exception. The setting of main levels of a play sound row helps realize and understand how post-modern destroys preceding cultural traditions in spiritual life and transform a man from the cultural environment into the environment of civilization.

The authors come to the conclusion that internal senses of A. P. Chekhov's “Cherry garden”, a lyric play are expressed by a musical sound row. As a result of

common methods and structural principles of a play and music their partial similarity is arising; that is, specific musical means of expressiveness are connected with a fixed sound pitch of a play. The attempt is made to recognize classical and post-classical constructive interrelations of harmony and a counterpoint in the play. It is in correlation of harmony and the counterpoint the attitude to vertical line and horizontal one, civilization and culture with respect to their heroes is hidden; in the respect to heroes the melodies not only of their fates but society on the whole are reflected.

Keywords: sound row, music, harmony, polyphony, counterpoint, culture, civilization, post-modern.

Isaev V. D., доктор философских наук, заведующий кафедрой прикладной философии и теологии, Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля (Украина, Луганск), vd.isaev@gmail.com

Skopina S. A., ассистентка кафедры прикладной философии и теологии, Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля (Украина, Луганск), kshemat@mail.ru

Звуковой ряд “Вишневого сада”

У каждой цивилизации свои культурные коды и современная цивилизация, переживающая глубокие социокультурные изменения, не является исключением. Установление основных ступеней звукограда пьесы помогают осмыслить, как постмодерн в духовной сфере жизни общества разрушает предшествующие культурные традиции и переводит человека из пространства культуры в пространство цивилизации.

Авторы приходят к выводу, что внутренние смыслы лирической пьесы А. П. Чехова “Вишневый сад” выражаются музыкальным звукоградом. В результате общих приемов и структурных принципов пьесы и музыки возникает их частичное сходство – специфические музыкальные средства выразительности связаны с фиксированной звуковысотностью пьесы. Предпринимается попытка распознать классические и постклассические конструктивные взаимоотношения гармонии и контрапункта в пьесе. Именно в соотношении гармонии и контрапункта скрыто отношение вертикали и горизонтали, цивилизации и культуры в отношениях героев, в которых отражаются мелодии не только их судеб, но и общества в целом.

Ключевые слова: звукоград, музыка, гармония, полифония, контрапункт, культура, цивилизация, постмодерн.

* * *

УДК 82.081

Бабаева О.,
диссертант кафедры мировой литературы,
Азербайджанский государственный
педагогический университет
(Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

СЕЗАИ КАРАКОЧ И КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

Исследуется отношение С. Каракоча к проблемам турецкой литературы и культуры. В особенности здесь в центре внимания находится значение придаваемое С. Каракочом турецкой литературе как классической так и нового периода, формирование этой литературы в контексте исторического наследия и суждения по поводу других вопросов. В статье все исследования находят свое подтверждение на основе фактов и примеров.

Ключевые слова: турецкая литература, классический этап, Ю. Имря, Мовлана, турецкая поэзия.

(статья друкється мовою оригіналу)

В литературно-теоретических воззрениях С. Каракоча сфера охвата проблем турецкой литературы и культуры весьма широка. В целом, он в роли теоретика более освещает поэтическое творчество, его темы и идеалы, особенности жанра, вопросы традиционного модернизма и прочие проблемы, подвергая их фильтрующему анализу. В его монографических произведениях “Юнис Имре” (1965), “Мехмет Акиф” (1968), “Мовлана” (1996), в опубликованных в 80–90 годах XX века в сборнике трех различных статей “Литературные рукописи”, в том числе многочисленных газетных, журнальных статей мы больше сталкиваемся с исследованиями более научно-теоретических вопросов турецкой литературы. Конечно, основной причиной этого является исследование С. Каракочом проблем обла-

дающей богатой историей и литературой турецкой литературы, выявление национального и всемирного значения этого наследия. Как бы не было сложным в результате широкого ознакомления С. Каракоч с турецкой литературе в плоскости, как Востока, так и Запада он смог справиться с этой работой. Также отметим, что если не принимать во внимание ряд вопросов турецкого литературоведения, С. Каракоч при помощи подобных исследований смог представить позицию литературоведа. В его литературно-теоретических вопросах взгляд на проблемы турецкой литературы, можно сказать, охватывает все периоды. В этих исследованиях охвачены этапы турецкой литературы средних веков, XIX–XX веков и современного периода. Это в первую очередь вытекает из комплексного подхода к проблеме. Этап средневековой литературы тюркских народов изучается такими великими представителями как Дж. Руми, Ю. Имре, М. Физули, Няфи. Правда, тут на фоне традиционных классических стихов в ряде вопросов общий подход к творческому миру Дж. Руми, Ю. Имре, М. Физули, Няфи устраняет цель конкретного исследования. В опубликованном в 1965 году монографическом произведении “Юнис Имре” С. Каракоч исследует творчество самого большого представителя воображаемой литературы XIII века Юниса Имре. Автор, справедливо стремясь изучить его творчество в контексте науки–мудрость, расценивает Ю. Имре как “личность, представившую миру тюркско–исламскую культуру”. Хотя в его исследованиях по поводу Ю. Имре имеются некоторые спорные моменты, С. Каракоч исследуя богатый творческий мир, религию, язык, народный дух, метафизику и др. стороны Ю. Имре, в результате эту поэзию указывает как “мудрую простоту” показывая в чем ее сила. С. Каракоч преподносил Ю. Имре в соответствии с суфийским учением на этапах “мышление, соображение, размышление, веры” увязывает его творчество с воззрением “в каждом месте провидение Аллаха”. Однако по убеждению С. Каракоча непосредственно или же опосредствованно видимые сцены и панорама реальной жизни в мире присутствующей поэзии Ю. Имре придавая светский характер подтверждает широкие возможности охвата и тем этой поэзии.

Исследования С. Каракоча самой выдающейся личности абстрактной поэзии Дж. Руми очень важна как для румиведения так и общего литературоведения. Без сомнения позиция С. Каракоча о важности выступления классических традиций в качестве источника для современной поэзии непосредственно вытекает из его расположенности к классике. С. Каракоч классический этап для турецкой литературы считает успешной школой для формирования традиций. Его опубликованная в 1996 году книга “Мовлана” посвящена творчеству великого поэта Дж. Руми. С. Каракоч считает Дж. Руми как и Ю. Имре выдающимся представителем тюркско–исламского сознания. В процессе исследования он наряду с этапами Дж. Руми, образованием, пройденным большим содержательным жизненным путем, атмосферой его периода держит в центре внимания его отдельные произведения, творческий путь, значение его творчества. Отметим, что в румиведении имеются множество фактов о связи Дж. Руми с Шемс Тебризи. По этому поводу нет несовпадающих разногласий. С. Каракоч

повествуя о связях Дж. Руми с Шемс Тебризи характеризует их как “два лица одной души”. Как известно Дж. Руми создавший Конье большим духовно–религиозный учебный центр, повстречавшись в Шемс, отделился от своих мюридов как “нашедший светоч, который искал” стал мюридом Ш. Тебризи. Приревновав это, мюриды во главе с младшим сыном Дж. Руми Аладдином убили Ш. Тебризи бросив его тело в колодец. На самом деле не делая широких комментариев по истории этого вопроса С. Каракоч стремится раскрыть значение его творчества, и я бы сказала, высказывает ряд оригинальных мыслей. С. Каракоч связывает творческий успех Дж. Руми с насыщенной духовно–философской содержательностью наряду с талантом поэта и полученным им превосходным образованием. Прежде всего, следует отметить, что в целом лирика “Мовлана” Джалаладдина Руми является источником приобщения человека к Аллаху, любви к Аллаху, мудрости. Как единственный способ приобщения к Аллаху он выдвигает на первый план чувства и любовь. Его творчество бездонное, чистое и прозрачное как слеза, постоянно на крыльях любви. В центре этого творчества находится исламская философия пантеизма, единство творца” [9, с. 72]. Исследуя это богатое творчество С. Каракоча можно сказать, что он проанализировал все художественное творчество Дж. Руми, выявив истинный идеал его произведений. В этом плане интересна цитата автора серьезных исследований Турана Караташа приведенная из Сезаи Каракоча: “Мовлана хорошее образование... Все работы Мовланы “можно представить как песня, стихотворение, речь, турка” [7, с. 477]. Подобный подход к этому вопросу помог в изучении сознания и духовности в творчестве Дж. Руми относящегося в секте мовлана. С. Каракоч постарался исследуя произведения Дж. Руми, в том числе отдельной форме “Меснави”, “Меджалисти–себа”, “Дивани–кябир” и др. изучить их внутренним содержанием истинны.

Написанная в рифму в алфавитном порядке “Дивани–кябир” занимает особое место в творчестве Дж. Руми. Как известно газели, гасиды, рубаи и прочие стихи дивана, написанные под псевдонимом Шемс Тебризи некоторые называют “Дивани Шемс Тебризи”. В диване нашло отражение самая высшая мечта человека соединится с Аллахом характеризуемая в форме судьбы. В этом контексте лирика Дж. Руми в исследованиях С. Каракоча проявляется как основная линия, исследование проходит в этом направлении. Согласно С. Каракочу Дж. Руми в своей лирике становиться глашатаем новой веры для исламской души. Поэтому основываясь на анализе С. Каракоча мы видим что по сравнению с другими поэтами дивана Дж. Руми занимает преобладающее положение. Новая вера, идеал истины у Дж. Руми в отличие от других более заметно. Если сослаться на мнение С. Каракоча то можно сказать что если, в стихах диванов воображение является элементом, то в лирике Дж. Руми нет элементов воображения, они целостны. В мыслях С. Каракоча по поводу исследования отрывка стихотворения “Кручина нея об разлуке” в начале I тома “Меснави” имеется подход воображения. Тут основываясь на выдвинутой Дж. Руми философии единства творца, раскрывается инициатива и

рассуждения по поводу сущности возвращения к сектанским взглядам к своим началам:

Говорят, душа не отрывна от тела
Есть, но не видна она.
Ней показывает ее, раскрывает
У кого какой огонь горит
Все, что есть в огне, в нейе, в любви,
Все что существует в нейе, в любви.
Ней помогает раненым в грудь,
Высказывает свои струнами [10, с. 31].

С. Каракоч считает звуки нея “горькой и сладкой песню жизни” и справедливо подчеркивает, что его звучанием “соединение с Богом, фактом постоянного бытия Бога, пути открывающий к сознанию, черты ясности”. В процессе исследования произведения “Меджалисти–себа” отражающим религиозные, философские и нравственные взгляды Дж. Руми подход С. Каракоч не изменяется. То есть, он использует тот же метод при изучении “Меджалисти–себа”, что и форме “Меснави”, “Дивани–кябир” и отдельных стихотворений. В результате мы в представлении С. Каракоча видим Дж. Руми как знаменосца учения суги, знакомимся с его миром идеалов.

В исследованиях С. Каракоча как об Ю. Имре, так и об Дж. Руми е должны ускользать от внимания два момента. Первую часть этой стороны составляет изучение жизни и творчества этих великих личностей. То есть исследователь, ссылаясь на имеющиеся исследования литературоведов Востока и частично Запада, выдвигает свои научные выводы, вторая сторона – в лице таких личностей определяется место турецкой литературно–философской мысли в контексте мировой литературно–философской мысли. Среди творцов турецкой классической литературы, которым С. Каракоч придает значение, отдельное место занимают М. Физули и Нефис. Хотя каждого из этих поэтов разделяет почти век, С. Каракоч видит между ними большую близость. Он объясняет ее не формой и выражением, а духовностью близостью. С. Каракоч высоко оценивает место М. Физули, поэта и мыслителя в тюрко–исламской культуре, характеризует его не только как идеального человека в мире творчества, но и одновременно “героем джихада”: “Познавший мысли Физули и проблемы творчества и борющийся за выражение отличительных от других суждений – идеальный человек. Это герой, сломавший рамки, для оживления застывших мыслей, приложивший свой талант для джихада в творчестве” [6, с. 51]. Если обратить внимание, то можно заметить, что эти мысли совпадают с оценкой данной М. Физули занимающим видное место в турецком литературоведении Н. С. Банарлы. Н. С. Банарлы пишет: “Поэт, как и все выдающиеся люди, среди атмосферы и условий своей жизни выделяется своим гением, возвысился глубоким следом в литературе и мысли” [2, с. 534]. С. Каракоч, оценивая воззрения М. Физули Füzulinin согласно исламской философии, справедливо указывает на наличие этапов “чувство, сознание, вера” в творчестве поэта. Внесение ясности исследованиями С. Каракоча в такие вопросы как, властвование творческого мира Физули столетиями, попадание под его влияние последующих поколений, невозможность отхода от влияния физилюподобности в литературном

процессе и пр., охватывая взглядом внутри литературные процессы свыше 500 лет, он больше рассматривает вопросы традиции и новаторства. Именно в последующие периоды турецкой поэзии, в особенности в исследованиях, относящихся к XIX и XX векам, не ускользает от внимания традиции и новаторство. Исследования С. Каракоча творчества таких ведущих деятелей турецкой литературы как Н. Камал, А. Хамид, М. А. Эрсой, Ю. Камал, Н. Ф. Гисакюрек, в том числе начиная с Н. Хикмета и до Атиллы Илхана, десятков поэтов XIX и XX веков в первую очередь имеют значение с точки зрения истории литературы. Однако другое значение этих исследований в том, что С. Каракоч высказывает суждения по поводу литературно–эстетических взглядов, в том числе по вопросам творчества. Изучая литературно–теоретическое наследие С. Каракоча, мы видим, что, его теоретические взгляды не писательская критика, а составляет профессиональную критику. Естественно, что в этом смысле, он находится не в ряду принадлежащих турецкому миру писателей занимающихся критикой И. Гаспыралы, А. Хамид, Н. Камал, Н. Хикмет, О. Сейфеддин и пр. а в ряду исследователей занимающихся профессиональной критикой Н. Ф. Гысакурек, Н. С. Банарлы, А. Н. Танпынар и др. Интересно, то что в профессиональном критическом подходе С. Каракоча к проблеме, также подходит и к художественному творчеству и применяет это в творчестве. Например, в его художественно–теоретических воззрениях мысли ученого о важности использования модели классической литературы, традиций вытекают из его любви к классической поэзии. В его художественном наследии, независимо от жанра – бесчисленное множество использования традиции, классической формы, и это основано на научной базе. Что показывает, что поэт С. Каракоч постоянно подтверждает и завершает ученого С. Каракоч. С. Каракоч говоря о турецкой литературе конца XIX века – начала XX века, отмечает в первую очередь о новых задачах этой литературы, формировании в соответствие с новыми измерениями и новыми требованиями. Н. Камал, А. Хамид, М. А. Эрсой, З. Гойалп и др. сталкиваясь со смешением старого стиля с новыми приемами литераторов того периода, превращают исследование их выражения, их творчества в исследование их личностей. Например, в его исследованиях Н. Камал применяющий размер и модели Запада, расположенный в стиле диван – поэт Танзимата. Повестью о Н. Камал, С. Каракоч не оставляет в стороне анализ проблем литературы Танзимата, дает разъяснения о связи творчества Н. Камала с Танзиматом. В отличие от литературы дивана, в новой европоподобной литературе преподносятся другая миссия – идеи свободы, республика, Родина, человек. Именно в этом ракурсе исследователь касаясь творчества Н. Камала справедливо называет его “поэтом родины и свободы”. Одновременно, характеризует Н. Камала как человека приносящего в общество идеи “конституции и республики”, даже увязывает с ним изменение направления турецкого сознания. А это в первую очередь связано с творчеством Н. Камала как танзиматчи требованиями новой литературы и новых идей. Великий Ататюрк в связи с этой гранью творчества Н. Камала сказал: “Н. Камал научил нынешнее поколение важности возрожденной и свободной Родины”. Можно сказать, что

начиная Атаюрком по поводу Н. Камала, С. Каракоч отмечая такие мысли совершенно прав, в основе его мыслей в творчестве происходит изменение в зависимости от темы. Конечно, все это считалось новым направлением для литературы. Однако С. Каракоч определяя связь Н. Камала с традиционностью конкретными признаками, смог донести до внимания из чего состоит это богатство классического духа: Его поэзии характерны исламское суждение, представление мира грез и мечты, считается элементами традиционности. С. Каракоч наблюдая в творчестве А. Хамида относящегося к концу XIX века и началу XX века подобные черты, исследует их, стремясь изучить принципы его традиционности и новаторства в творчестве изнутри. Потому что, он считает Хамида как поэта расположенного в литературе дивана, и как “поэта стремящегося к новым горизонтам литературы” [9, с. 56]. По поводу двух сторон творчества А. Намида правильный анализ и объективные факты обеспечивают высказывание верных мыслей его творчества и литературной личности. С этой точки зрения, Т. Фикрет, З. Гойалп, А. Хашим, Ю. Гядри, Ю. Камал и другие литераторы выражаясь по С. Каракочу “двух фронтов” в контексте традиционности и новаторства, имеют значения для выражения объективных мыслей по поводу художественного творчества. В результате такого подхода С. Каракоч высказывает мысли о объективной и субъективной сущности взглядов Зияя Гойалпа, несмотря на любовь Ахмеда Хасима и Ягуба Гадри ни к литературе дивана, пребывание их под влиянием Запада, в литературе “начальный период выхода из трясины пришелся на Яхью Камала” и пр. расширяет представления о пройденном литературой приблизительно столетнем периоде.

Исследование С. Каракочем упомянутых литераторов с точки зрения “двух фронтов” то есть и Запада и турецко-исламского сознания нашли свое место в статьях “Понять Яхью Камала”, “Почтение Эгика”, “Мехмет Ариф и опосредственно”, “Вспоминаемое и невспоминаемое” и пр. Значение этих статей, прежде всего в том, что вопросы подвергнуты аналитическому и сравнительному анализу”. Например, не смотря на то, что статья “Понять Яхью Камала” состоит из 4 страниц, статья “Мехмет Ариф и опосредственно” состоит из 3 страниц, статья “Вспоминаемое и невспоминаемое” состоит из 3 страниц, обозначенные в них проблемы достаточно актуальны, выделяются исследованием и аналитикой. Например, если обратить внимание на ниже следующие строки про суждения и взгляды Я. Камала в статье “Понять Яхью Камала”: “Яхью Камала не являлся глашатаем исламских идеалов. Жизнь его не безгрешна. По мировоззрению это синтез западничества. Отсутствует исламское суждение. Но, несмотря на все это, не остается в стороне от верований нашего народа, традиций, существования как мусульманского народа” [5, с. 12]. Как видно, здесь отражены противоречия мировоззрения Я. Камала. То есть, мы в исследовании С. Каракоча наблюдаем Я. Камала как западника. Но, С. Каракоча как бы не представляя его как западника, считает важным то, что он не находится в стороне от народных верований и морали, в душе его царит мусульманский дух привязанность к Востоку. В результате мы находим ответ на вопрос о двусторонности мировоззрения и степени качества личности Я. Камала.

В исследованиях С. Каракоча вне рассмотрения характерные особенности мировоззрения подобного типа писателя Танзимата Намика Камала. Мы несколько ранее представляли свои мысли по этому поводу, и естественно, что на последующих страницах нашего исследования по мере необходимости затронем эту проблему. С. Каракоч не считает Н. Камала в полном смысле односторонним с точки его мировоззрения. Он как поэт Танзимата наряду с симпатией к Европе, не остается в стороне от влияния национальных ценностей. В мысли С. Каракоча “У Намика Кемала нет причин не проявлять исламской ориентации при проведении европейских реформ. Используя исламские учения, он проводит коренные изменения, привлекая европейский опыт” [4, с. 17]. Привлекают внимание проявляющиеся его стороны и причины их. Это еще раз доказывает, С. Каракоч в статусе литературоведа подходит к вопросам на уровне значения, демонстрирует способность, как и что можно выражать. Это его мастерство проявляется в его исследовании современной турецкой поэзии и ряда ее представителей. Исследования С. Каракоча об Наджабе Фазиле Гысакуреке, Фазиле Хюсюн Даглардже, Нуруллахе Араче, Арифиде Ниджате Асия, Джахите Таранчи, Тургуте Уяаре, Эдире Джансевяре и других творческих людей наряду с изучением особенностей этих творческих личностей, имеют немаловажное значение для получения представления и общего черт современной турецкой поэзии. Исследования этих поэтов по отдельности и в сравнении друг с другом показывает какие этапы прошла турецкая поэзия в XX веке, в чем состоит своеобразие этой поэзии.

Список использованных источников

1. Аналай К. Сезаи Каракоч и мысли и возрождение. – Диарбакыр, 2009.
2. Банарлы Н. С. История официальной турецкой литературы. Национальный архив Басимеви. – Стамбул, 1998. – Т. I.
3. Биничи Б. С. Культурные воззрения Каракоча. – Стамбул, 2012.
4. Каракоч С. Литературные рукописи. – Стамбул, 1996.
5. Каракоч С. Литературные рукописи. – Стамбул, 1996. – Т. III.
6. Каракоч С. Литературные источники. – Стамбул, 1986. – Т. I.
7. Караташ Т. Седьмой сын догуна. Сезаи Каракоч. Какнус яинлары. – Стамбул, 1998.
8. Караташ Т. Сезаи Каракоч (жизнь–творчество–наследие). – Эрзурум, 1994.
9. Гулиев Е. Литература тюрских народов. – Баку, 2011.
10. Руми Дж. Меснави. – Баку, 2007. – Т. I.

References

1. Analaj K. Sezai Karakoch i mysli i vrozozhdenie. – Dijarbakyр, 2009.
2. Banarly N. S. Istorija oficial'noj tureckoj literatury. Nacional'nyj arhiv Basimevi. – Stambul, 1998. – T. I.
3. Binichi B. S. Kul'turnye vovzrenija Karakocha. – Stambul, 2012.
4. Karakoch S. Literaturnye rukopisi. – Stambul, 1996.
5. Karakoch S. Literaturnye rukopisi. – Stambul, 1996. – T. III.
6. Karakoch S. Literaturnye istochniki. – Stambul, 1986. – T. I.
7. Karatash T. Sed'moj syn doguna. Sezai Karakoch. Kaknus jainlary. – Stambul, 1998.
8. Karatash T. Sezai Karakoch (zhizn'-tvorchestvo-nasledie). – Jerzurum, 1994.
9. Guliev E. Literatura tjurskih narodov. – Baku, 2011.
10. Rumi Dzh. Mesnavi. – Baku, 2007. – T. I.

Babaeva O., dissertator Department of World Literature, Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan, Baku), rus_rahimli@yahoo.com

S. Karakoch and comprehensive approach to Turkish literature and culture

Explores the relationship S.Karakoch problems in Turkish literature and culture. In particular, here the focus is on value attached S. Karakoch Turkish classical literature as well as the new period, the formation of this literature in the context of the historical heritage and judgments about other issues. In all of the research paper can be confirmed on the basis of facts and examples.

Keywords: Turkish literature, classic stage Yu. Imrya, Movlana, Turkish poetry.

Бабаева О., дисертант кафедри світової літератури, Азербайджанський державний педагогічний університет (Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

Сезаї Каракоч і комплексний підхід до проблем турецької літератури та культури

Досліджується ставлення С. Каракоча до проблем турецької літератури і культури. Особливо тут в центрі уваги знаходиться значення яке надається С. Каракочом турецькій літературі як класичної так і нового періоду, формування цієї літератури в контексті історичної спадщини і судження з приводу інших питань. У статті всі дослідження знаходять своє підтвердження на основі фактів і прикладів.

Ключові слова: турецька література, класичний етап, Ю. Імря, Мовлана, турецька поезія.

* * *

УДК 82

Багірова Ф., дисертант кафедри зарубешної літератури, Азербайджанський університет іноземних мов (Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПРОЗЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ И С. АХМЕДЛИ

Рассматривается извечная для большой литературы проблема экзистенциального выбора человека в эпоху кардинальных мировых перемен. Анализируя и типологически сопоставляя творчество всемирно известного писателя – Э. Хемингуэя и крупного азербайджанского прозаика С. Ахмедли, автор находит значимые параллели не только в подходах и личностных позициях писателей, но и в применяемых ими поэтических средствах.

Ключевые слова: модернизм, социалистический реализм, мифологический ряд, подтекст, игра, фантастика.

(стаття друкується мовою оригіналу)

XX век остался позади. Для нас, перешагнувших границы этого века и вступивших в XXI столетие ещё очень трудно свыкнуться с той истиной, что все круто изменилось. Сам по себе этот процесс глубоких перемен никогда не происходит как взрыв, естественно, он исподволь подготавливается и приходит к зримым для нас результатам как бы неожиданно. Уже стали аксиомой истины, что мы живем в постмодернистскую и даже в постпостмодернистскую эпоху, когда сменились все и всяческие парадигмы, культура обрела мультитарактер, границы стираются, мир все больше сжимается в своем пространстве. Можно сколько угодно размышлять об этих кардинальных переменах, о трансформациях смыслов, ценностей, приоритетов...

Да, литература уже не та, она все больше сближается с философией, сливается с другими искусствами, использует языки различных жанров – музыки, живописи, кино и т.д. Но при всех случаях, если перед нами настоящее творчество истинного художника, каким бы условным языком он ни пользовался, как бы ни смешивал повествовательные коды – реальность с потусторонностью, временные и пространственные перспективы, условность и игру – в конечном счете, разговор он ведет о человеке. Именно он, человек – есть центр ми-

роздания. Конечно, он теперь несколько другой в изменившемся мире со всеми цивилизационными достижениями. Но человек, если речь идет о личности, всегда недоволен, он не может превратиться в придаток этого внешне обустроенного мира, он по-человечески беспокоен, его трогают те же чувства, что трогали его предков тысячелетия назад.

С этой позиции литература не знает границ, и мы полностью разделяем идеи великого Гёте о существовании мировой литературы. XX век, как известно, вместил в себя не одно столетие по собственной значимости. В этот век произошли кардинально изменившие мир события – мировые войны, революции, научно-технический прогресс и пр. Но в XX веке мир был все ещё расколот на части по идеологическим принципам. Факт возникновения социалистического общества отгородил непроходимой стеной два мира – капитализма и социализма. Долгое время идеологам нового общества казалось, что можно взрастить совершенно новый человеческий феномен, лишенный каких-либо собственных и собственнических интересов. Этот человек должен был ощущать счастье в единении с обществом, жить не своими, а общественными интересами, читать особые книги, проповедавшие новое искусство социалистического реализма.

Были периоды в истории, когда эти идеи безраздельно осваивались массами людей, они служили на благо истории, они “работали”. Нельзя отрицать и достигнутых талантливых представителей этой литературы и искусства. Но все, в конечном счете, подчинено процессу круговорота событий. Когда мы обращаемся к творчеству двух крупных писателей – американского писателя, всемирно известного как “отца литературы потерянного поколения” – Э. Хемингуэя и, возможно, никому за пределами Азербайджана неизвестного писателя, – С. Ахмедли мы понимаем всю ответственность такого сопоставления.

Э. Хемингуэй велик и дорог читателям своей мужественной позицией, честностью художника, особой уникальностью художественного метода, сочетающего в себе традиции реалистического искусства и модернистского новаторства.

С. Ахмедли, относящийся к более молодому поколению, живший, в глубинке, затем перебравшийся в город, изначально был предопределен в выборе тем, средств выражения, характеров, допустимых при коммунистическом режиме. Но, находясь в тесных идеологических тисках, писатель подчинялся требованиям лишь до того момента, когда сам разделял справедливость этих идей. Ему, так же как и другим его соотечественникам и современникам, которым становилось душно в этой атмосфере, приходилось прибегать к эзопову языку, символам и пр., чтобы замаскировать рождение новых характеров, новых героев, озабоченных совсем другими, далеко не коммунистическими этическими вопросами. Э. Хемингуэю, как человеку свободного мира, пришлось лично испытать на себе влияние первой модернистской волны, находясь в Париже, он не понаслышке наблюдал этот процесс кризиса реалистического метода.

Хемингуэй прошел весь ранний этап своего творческого становления в поисках собственного пути. Ему это удалось единственно по той причине, что главным кри-